

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 15—21.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 15—21.

Научная статья

УДК 81'37:821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/И.2024.5.2

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕКЛИЧКАХ В ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ: ОТ «ВЕЧЕРОВ...» ДО «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ»

Николай Венальевич Капустин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin57@mail.ru

Аннотация. В центре внимания фрагмент из повести «Ночь перед Рождеством», где впервые (если иметь в виду *художественное* творчество Гоголя) появляется образ Петербурга. Он дается через восприятие уроженца Диканьки кузнеца Вакулы, и кажется, что особенности образа целиком определяются приемом остранения. Но при сравнении Петербурга из повести с его описанием в более ранней статье Гоголя «Борис Годунов» выясняется, что открывшаяся гоголевскому герою картина очень близка той, которая дана в статье. Вместе с тем Петербург из «Ночи перед Рождеством» оказывается близок соответствующим картинам из повести «Невский проспект». Однако самое интересное в том, что описание Петербурга из рождественской повести отзывается и в других, непetersбургских произведениях Гоголя. Дело не столько в том, что гоголевский петербургский локус имеет тенденцию к расширению, сколько в единстве художественного мышления писателя, что находит выражение в многочисленных перекличках его образных решений в самых разных текстах. Учет этих соответствий в значительной мере проясняет смысловые оттенки картины Петербурга в «Ночи перед Рождеством». Но еще более важно, что наблюдаемые семантические соответствия являются показателем именно единства образного мышления Гоголя (проблема, хотя и привлекавшая внимание исследователей, но еще далекая от окончательного решения). В связи с этим автор статьи говорит о необходимости создания Словаря гоголевской семантики, способного прояснить конкретное значение образа или мотива в их парадигматической перспективе.

Ключевые слова: Гоголь, Петербург, семантика, семантическое единство, Словарь гоголевской семантики

Для цитирования: Капустин Н.В. О семантических перекличках в прозе Н.В. Гоголя: от «Вечеров...» до «Петербургских повестей» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 15—21.

Если говорить о *художественном* творчестве Гоголя, то впервые образ Петербурга появляется в «Ночи перед Рождеством». И уже здесь он дается в необычном — гоголевском — освещении: «... кузнец всё летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Чорт, перелетев через шлахтаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы. Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли и будто подымались из земли, на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, фореиторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, унизанными

© Капустин Н.В., 2024

плошками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыши. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные, огненные очи и глядели» (1: 232).*

На первый взгляд, своеобразие этого фрагмента, основанного на предельной экспрессии, гиперболизации зрительных и звуковых мотивов, объясняется исключительно остранением: кажется, что уроженцу Диканьки, кем является Вакула, Петербург и должен предстать в столь необычном, отличном от его привычного восприятия виде. Но дело в том, что представшая Вакуле картина — повторение с вариациями. В ранней статье Гоголя «Борис Годунов» есть образ Петербурга, очень близкий тому, какой возникает в «Ночи перед Рождеством». Столица здесь также *«гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца...»* (8: 149). Отличие в том, что «чудный город» не производит на персонажа этой статьи Поллиора того впечатления, какое возникает у пораженного его видом Вакулы. Но и здесь Петербург «гремит и блещет», его «мосты дрожат», а «огненные очи» домов, хотя и не устремляют такого же взора на Поллиора, как на Вакулу, чудесным образом «кидают пламенные дороги на снежную мостовую». К тому же в том и другом случае открывающаяся персонажам и читателю картина соотносится с близкими световыми мотивами — «серебряным сонмом видений» (из статьи) и «серебряным туманом» (из повести).

Отмеченные аналогии (при всей разнице персонажей) как раз и позволяют утверждать, что образ Петербурга из «Ночи перед Рождеством» есть видоизмененная, но сохраняющая свою основу цитата из статьи «Борис Годунов». Но если в статье город дан в положительном ореоле, то его эмоционально-смысловая составляющая в повести иная: субъект восприятия (будь то повествователь, Вакула или читатель) не может не испытывать чувства тревоги, в значительной мере вызванного более интенсивной, деформирующей реальный мир степенью гиперболизации. Открывающийся Вакуле лик города оказывается параллелью к знаменитому, многократно цитируемому исследователями видению Пискарева («Невский проспект»), в котором реальный мир подвергается еще большей деформации: *«Тротуар неся под ним...»* (3: 19). Близок он и не менее знаменитой финальной картине/инвективе той же повести: *«Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенную массу наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейтеры кричат и прыгают на лошадях, и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде»* (3: 46). Стоит заметить, кстати, что здесь, наряду с соответствиями звукового сопровождения и оптики «Ночи перед Рождеством», называются «палевые стены домов» — буквальное повторение из статьи «Борис Годунов».

Несомненная связь между разными (в том числе и в жанровом отношении) текстами с очевидностью подводит к мысли о семантических единствах или семантических инвариантах, существующих в творчестве Гоголя. В данном случае структуру такого инварианта определяет своеобразно увиденное Гоголем пространство Петербурга, воссоздаваемое в первую очередь гиперболизацией сходных звукового и зрительного рядов. Впрочем, наличие *семантического*

* Здесь и далее тексты Н.В. Гоголя приводятся по изданию: [Гоголь] с указанием в скобках номера тома и страниц.

единства, кажется, препятствует взаимообратимость авторской оценки создаваемых картин в статье (здесь Петербург воспринимается героем со знаком плюс) и повестях (картина дается со знаком минус). Однако при всем осложнении выдвигаемого тезиса отказываться от мысли о существующем единстве образных решений Гоголя никаких оснований нет: они очевидны. Важно не упустить из вида и другое: если не система, то отдельные мотивы, формирующие в «Ночи перед Рождеством» тот образ Петербурга, когда на первый план выходит его inferнальная, демоническая природа, отзываются не только в «Невском проспекте». Они заметны в целом ряде других гоголевских произведений. Возникает единство уже иного плана — образные соответствия, выходящие за пределы петербургского локуса Гоголя. Взаимоосвещая друг друга, такие переключки проясняют семантику сходного, делают ее более прозрачной, определенной, в то же время сообщая ей многочисленные смысловые обертоны. При этом стоит отметить, что эта взаимоосвещаемость, несмотря на, казалось бы, доскональную изученность гоголевского Петербурга (см., напр.: [Губарев, Дилакторская, Маркович, Топоров, Кривонос, Денисов]), до сих пор не привлекала к себе сколько-нибудь пристального внимания.

Самое явное, лежащее на поверхности соответствие задается финалом открывшейся Вакуле картины: «...все дома устремили на него свои бесчисленные, *огненные* очи и глядели». «Огненные очи» петербургских домов не могут не вызывать в памяти осведомленного читателя пугающие Катерину «огненные очи» приснившегося ей отца/колдуна (дьявола) из повести «Страшная месть»: «Посмотри, как я поглядываю очами! Тут навел он на меня *огненные* очи, я вскрикнула и пробудилась» (1: 253). В то же время устремленный на Вакулу взгляд домов переключается с другим взглядом, в данном случае хотя и не «огненным», но наводящим страх и активизирующим нечисть, что приводит к смерти: «*“Подымите мне веки: не вижу!”* сказал подземным голосом Вий — и всё сонмище кинулось подымать ему веки. *“Не гляди!”* — шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул.

“Вот он!” — закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха» (2: 217).

Отдельного внимания заслуживает лексема *огонь*, появляющаяся в самом начале интересующего нас фрагмента из «Ночи перед Рождеством»: «...кузнец всё летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в *огне*. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация)». Сделанное в скобках авторское пояснение носит, конечно, иронический характер. При этом смыслы и смысловые оттенки слова *огонь* здесь вновь приоткрывает контекст других гоголевских произведений. Не всех. Семантика этого слова у Гоголя достаточно разнообразна: от огня как высшей, предельной характеристики проявления чувства (семантические синонимы — гнев, буря, страсть, восторг, жар, стремительность), что обнаруживается в таких произведениях, как «Страшная месть», «Гетьман», «Наброски драмы из украинской истории», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — до его способности при определенных обстоятельствах обеспечить победу над нечистой силой («Майская ночь», «Пропавшая грамота»). Огонь *свечи* освещает последние дни Пискарева («Невский проспект»), с мотивом огня связана героическая смерть Тараса Бульбы («Тарас Бульба»).

Однако не эти значения данного слова, появляющегося в начале рассматриваемого фрагмента из «Ночи перед Рождеством» (за исключением, пожалуй, его явленности в пределе — «Петербург *весь* в *огне*»), актуализируются при

сопоставлении с образным рядом более поздних текстов Гоголя. Гораздо ближе оказывается семантика тревоги, которой наполнены звуковые, цветовые и световые образы картины, предшествующей решению Андрия покинуть запорожский табор: «Там *горел* монастырский сад. Казалось, слышно было, как деревья шипели, обвиваясь дымом, и когда *выскакивал огонь*, он вдруг освещал фосфорическим, лилово-огненным светом спелые гроздия слив, или обращал в червонное золото там и там желтевшие груши, и тут же среди их чернело висевшее на стене здания или на древесном суку тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне» (2: 88). Но еще в большей мере в результате сближения с другими текстами приоткрываются значения образа огня, связанные с мотивами демоническими. Параллелью в этом случае оказываются «*живые, как огонь*» глаза наделенного inferнальными признаками цыгана из «Сорочинской ярмарки» и красный, сравниваемый с огнем, цвет свитки, последовательно соотносимой персонажами той же повести с ее принадлежностью черту. В этом же ряду огонь окон старухи-ведьмы, привлечший внимание бурсаков из повести «Вий». Но особенно отчетливо звучат связанные с огнем inferнальные мотивы «Страшной мести». Безумной Катерине кажется, что из глаз бабы вытягиваются горящие, как огонь, длинные железные клещи. Во время колдовства-ворожбы глаза отца Катерины горят «как в огне»; сердце его, по словам дочери, выковано ведьмой на «пекальном огне», а сам он знает о своей участи «гореть в огне вечном». Возникают ассоциации с геенной огненной, которые, на мой взгляд, могут быть перенесены и на образ огня в «Ночи перед Рождеством». При этом интересно отметить, что при использовании сходных мотивов (вплоть до «иллюминации») при характеристике уже не Петербурга, а Рима в более позднем письме к В.А. Жуковскому (февраль 1839 года), их семантика переведена в иной план. Возникает образ совсем другого, не пугающего, но близкого человеку домашнего пространства: «Все три дни Рим был иллюминирован так, как теперь не иллюминируют в других городах. Целые пылающие стены домов! Смоляные бочки по всем улицам. Я заглянул в Монте Ринцио — прелесть! Вообразите: смоляных бочек не видно, а только стены в огне. Так что кажется весь город греется у очага» (11: 203).

Наряду с мотивами огня и ранее упомянутых «огненных очей» домов значительную роль в структуре образа Петербурга в «Ночи перед Рождеством» играют другие сквозные мотивы гоголевского творчества. Первым в их ряду оказывается *мотив блеска*, возникающий в самом начале анализируемого фрагмента в глагольной форме («вдруг заблестел перед ним Петербург») и усиленный чуть далее существительным «блеск» в сочетании с концептами «стук» и «гром» («Боже мой! стук, гром, блеск...»), смысловая наполненность которых в мире Гоголя также заслуживает внимания. Но сначала — о мотиве блеска.

Семантика этого мотива, как и семантика мотива огня, также достаточно многозначна и могла бы стать предметом специального рассмотрения. Для целей данной работы ограничимся лишь отдельными наблюдениями.

Встречаются случаи, когда мотив блеска выполняет у Гоголя чисто изобразительную роль. Примером может служить замечательный образ из незаконченного гоголевского фрагмента «Дождь был продолжительный...», в котором блеск крыши назван «мокрым». Однако, как правило, мотив блеска (как ранее и мотив огня) семантизируется. В «Майской ночи...» его смысловые оттенки особенно тонки. Кажется, что здесь соотносительность блеска с месяцем вполне предсказуема и привычна, но определение «странное» по отношению к сиянию, как и «упойтельное» (здесь вновь наблюдается стремление Гоголя к предельности свойства того или иного явления), в соединении с «серебряным туманом»,

уже знакомым нам по «Ночи перед Рождеством», вызывает представление о зыбкой грани сна и яви, реального и потустороннего: «*Какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще не случилось ему видеть подобного. Серебряный туман пал на окрестность*» (1: 174). «Сладкая тишина и тихое раздолье», которые чувствует в своем сердце гоголевский герой, в какой-то момент осложняются созерцанием прекрасного, но мертвленного, сопоставимого с блеском месяца облика утопленницы, вызывающего чувство страха: «Длинные ресницы ее были полуопущены на глаза. Вся она была бледна, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна! Она засмеялась!.. Левко вздрогнул» (1: 175).

В «Майской ночи...» и других произведениях Гоголя есть и такие контексты, где мотив блеска получает иное, однозначно позитивное звучание. Так, например, в знаменитом фрагменте «Знаете ли вы украинскую ночь?», в финале которого — образ блестящих при месяце хат. Однако гораздо чаще встречается у Гоголя образность, вызывающая либо тревогу персонажа (а вместе с ним читателя), либо страх. «Тонким и острым блеском» светят звезды в ту ночь, когда Андрий, перед тем как уйти к полякам, «чувствовал какую-то духоту на сердце»; «странным» блеском наделяет Гоголь в этой сцене взгляд пришедшей к Андрию служанки полячки; «странным» блеском светятся глаза колдуна и антихриста, когда он целует свою дочь («Страшная месьть»), страшен блеск озарявшего улицу фонаря («Страшная рука»). Последний отрывок не без оснований связывают с «Невским проспектом», но, кажется, не будет преувеличением соотнести его, как и другие приведенные фрагменты (исключая лирический фрагмент «Знаете ли вы украинскую ночь?»), с видением Вакулы, которое оказалось в центре нашего внимания.

Вместе с тем смысловые оттенки мотива блеска из открывшейся Вакуле картины в свою очередь дают возможность прояснить текст самой «Ночи перед Рождеством», где блеск, страх и удивление сложно соединяются друг с другом в тот момент, когда Вакула оказывается у приехавших в Петербург запорожцев: «...Вакула, не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошел, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от *блеска*, увидевши убранную комнату, но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку...» (1: 233). Заметим, что блеск здесь не слепит, он пугает. В той же повести он получает и отчетливую ироническую разработку, что особенно заметно, когда на приеме императрицы Вакуле откроется картина придворного мира как мира пустоты: «*Он только видел один блеск и больше ничего*» (1: 236). Здесь Гоголь наследует своему «Ганцу Кюхельгартену», где мишурному *блеску* славы противопоставляется «высшая цель существования», и предвосхищает звучание того же мотива в «Мертвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Таким образом, проекция семантики мотива блеска (как ранее и мотива огня) из более поздних произведений Гоголя на тот же мотив из «Ночи перед Рождеством», в ряде случаев оказываясь иноприродной символикe открывшейся Вакуле картины, в гораздо больше мере семантически соотносима с ней. Но речь может идти не только о мотивах огня и блеска. От петербургских домов, которые «будто подымались из земли», тянется линия к другому *подземному* персонажу — Вию, взгляд на которого погубит Хому Брута: «Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его, засыпанные землей, ноги и руки» (2: 217). В результате таких сближений усиливаются вполне определенные смыслы: доминантой оказывается inferнальный облик российской столицы. При этом вновь любопытно отметить, что мотив блеска,

как и мотив огня, переводится в другой смысловой регистр, когда в письме к Н.Я. Прокоповичу (30 марта 1837 года) речь заходит об Италии: «Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, нежели после. Только всматриваясь более и более, видишь и чувствуешь ее тайную прелесть. В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи?.. прекрасны. Звезды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду кажутся больше наших, как планеты» (11: 93). В этом случае антитезой Петербургу (здесь, по-видимому, и Украине) оказывается не Рим, а Италия в целом.

Подобного рода наблюдения, основой которых в данной статье явилась картина Петербурга, можно было бы сделать, обратившись к звуковым мотивам — *стuku, грому, крику и свисту*, также присутствующим в более поздних произведениях Гоголя. Однако это уже не изменит существа предлагаемой концепции (хотя и привнесет отдельные значимые нюансы). Заметим только, что стук копыт коня/чорта (ср. именование коня Тараса Бульбы) и звук колес, которые в «Ночи перед Рождеством» «отдавались с четырех сторон», отзвучиваются в повести «Шинель», где ветер, как заверяет нас рассказчик, по «петербургскому обычаю» дует «со всех четырех сторон».

Итак, образ Петербурга у Гоголя, впервые появляясь в «Ночи перед Рождеством», формируется не только в петербургских повестях, но и за их пределами. Открывшаяся Вакуле картина (хотя, конечно, не столько ему, сколько автору и знающему творчество Гоголя читателю) концентрирует важнейшие мотивы, которые впоследствии отзвучат в «Невском проспекте», а также в других, непетербургских повестях Гоголя и в его ранней статье «Борис Годунов». Все это позволяет говорить о семантическом единстве рассмотренных мотивов. Объединив их с теми, какие уже открыты и давно стали общим местом в гоголеведении (мотивы неподвижности, застылости, окаменения, зеркальности и др.), и обнаружив новые, еще не описанные, можно приступить к созданию Словаря гоголевской семантики.

При всей устойчивости гоголевского идиолекта нужно постараться избежать одной опасности, учитывая, что присущие Гоголю близкие образные решения – не гарантия близости их семантики. Так, несомненная соотносительность образов Петербурга из статьи «Борис Годунов» и «Ночи перед Рождеством» еще не свидетельство их семантической общности. Не учитывая этой сложности, легко впасть в односторонность, которую должен преодолеть исследователь затронутой в статье темы.

Список литературы / References

- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952. (Gogol N.V. Complete works: in 14 vols, Moscow, 1937—1952. — In Russ.)
- Губарев И.М. Петербургские повести Гоголя. Ростов н/Д.: Ростов. кн. изд-во, 1968. 155 с. (Gubarev I.M. The Petersburg tales of Gogol Rostov n/Don.: Rostov Publishing House, 1968, 155 p. — In Russ.)
- Денисов В.Д. Петербургский текст Гоголя. СПб.: Нестор-История, 2018. 657 с. (Denisov V.D. The Petersburg text of Gogol, St. Petersburg, 2018. 657 p. — In Russ.)
- Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 204 с. (Dilaktorskaya O.G. The fantastic in N. V. Gogol's "Petersburg tales", Vladivostok, 1986, 204 p. — In Russ.)
- Кривонос В.Ш. Повести Гоголя: пространство смысла. М.: Флинта, 2015. 450 с. (Krivonos V.Sh. Gogol's tales: the space of meaning, Moscow: Flinta, 2015, 450 p. — In Russ.)

Маркович В.М. Петербургские повести Гоголя // Маркович В.М. Избр. работы. СПб.: Ломоносов, 2008. С. 8—106.

(Markovich V.M. The Petersburg tales of Gogol, *Markovich V.M. Selected works*, St. Petersburg, 2008, pp. 8—106. — In Russ.)

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст» русской литературы (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс, 1995. С. 259—367.

(Toporov V.N. Petersburg and the «Petersburg text» of Russian literature: (Introduction to the topic), *Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected works*, Moscow, 1995, pp. 259—367. — In Russ.)

ON SEMANTIC REITERATIONS IN GOGOL'S PROSE: FROM "EVENINGS..." TO "PETERSBURG TALES"

Nikolai V. Kapustin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nkapustin57@mail.ru

Abstract. The article is based on an extract from a short novel «The Night Before Christmas», which was Gogol's first work of fiction featuring the image of Saint Petersburg. The city is shown through perception of Vakula the locksmith, an inhabitant of Dikanka, and it appears that the aspects of the image are shaped entirely by the «distancing» technique. However, the comparison of this description of St. Petersburg with the one in «Boris Godunov», an earlier article by Gogol, reveals that the scenes witnessed by Vakula are very much the same as the ones described in the article. At the same time, St. Petersburg of «The Night Before Christmas» bears a certain resemblance to the corresponding scenes in «Nesvski Prospekt», another Gogol's novel. What is most interesting, however, is that the description of St. Petersburg found in the Christmas tale reappears in other Gogol's works, not set in St. Petersburg. What matters here is not that Gogol's locus of St. Petersburg tends to expand, but the unity of the writer's artistic thinking, resulting in numerous reiterations of his imagery in a variety of texts. Taking these correspondences into account brings to light many shades of meaning conveyed by the image of St. Petersburg in «The Night Before Christmas». More importantly, what these semantic correspondences indicate is the unity of Gogol's creative thinking – the topic which has attracted attention of researchers, but has not been thoroughly investigated. For this reason, the author of the article deems it necessary to create The Gogol Semantics Dictionary, which will help to clarify particular meanings of images or motives in their paradigmatic perspective.

Keywords: Gogol, Saint Petersburg, semantics, semantic unity, The Gogol Semantics Dictionary

For citation: Kapustin N.V. On semantic reiterations in Gogol's prose: from "Evenings..." to "Petersburg Tales", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 15—21.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 30.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Капустин Николай Венадьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin57@mail.ru

Kapustin Nikolai Venalyevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nkapustin57@mail.ru